

ТОВАРИЩИ ОФИЦЕРЫ!

Военный аристократизм в советском кино

*"Только грозная доблесть их
Поселилась в сердцах живых.
Этот вечный огонь,
Нам завещанный одним,
Мы в груди храним".
Песня из фильма "Офицеры".*

КИНОКАРТИНА "Офицеры" (1971) — не рядовая сага о семье красноармейца Трофимова. Это фильм-символ. Нынче сняли бы три сезона лживой тягототины, а если и не слишком лживой, то всё равно — тягототины. В те времена умели за полтора часа рассказать полноценную, живую человека-историю, вплётённую в биографию страны.

Итак, символизм "Офицеров". Несмотря на то, что речь идёт о Стране Советов, нам явственно показывают: без царского прошлого... невозможно коммунистическое будущее. Россия шагнула в иную веку, не перестав быть Россией. Изменились цвета знамён, а не суть явлений.

Начало фильма впечатляющее. Сцена знакомства главных героев. Барышня, типичная дворяночка, выбегает, чтобы разместить объявление о концерте, но тут из подворотен выныривают хулиганы при ножичках. Комсомолец Алёша защищает девушку, свою будущую жену, от ограбления и позора.

Люба — ему эстетское "Мерси". Он в ответ: "Бывает". Гимназистка воплощала многовековую культуру, парень в будёновке — силу.

От единения силы с культурой и появилась Советская Цивилизация с её нестяжательством, культом чести и служением. Дворяне, как ни странно, оказались не "побеждённым" классом, а создающим новые смыслы — СССР был яростно антибуржуазен, как было антибуржуазно и благородное сословие.

Люба Трофимова, кстати, не изменяет своим гуманитарным привычкам: она даже внуча обучила французскому и в любой ситуации оставалась "женщиной в шляпке". Вообще, никакие сломы эпох не лишали дворянина его статусности, так как всегда помнит, что и на голодном пайке он — из такого-то рода. Вы заметили, как Люба переносит испытания? Это для неё — норма, которая не обсуждается.

Буржуй, лишённый заработанного или умно украденного богатства, перестаёт быть собой, теряясь в водовороте экстрима, войн и революций, а господин-патриций всё своё имеет при себе. Генетику нельзя украсть или реквизируют! Образование — оно или есть, или его нет. Более того, он (патриций) охотно делится всё той же культурой с теми, кто пока ею не владеет.

БОЛЬШИНСТВО подвижников, стоявших у истоков советского просвещения (школьного, высшего, музыкального и т. д.), медицины, военного и инженерного дела, архитектуры, геологии... так или иначе были из высших сословий. Впрочем, и среди революционеров очень большой процент "благородных", включая польскую шляхту. Фильм "Офицеры" — о России, которая по своему выбору стала советской, а не об СССР, как об отдельно взятой галактике без роду-племени.

Неслучаен и командир Алёши Трофимова — тоже "из бывших", и это активно подчёркивается. Его монологу о "...такой профессии — Родину защищать и о том, что другие гордились богатством и знатностью, а его род — своим призванием, — основополагающая тема. Наше внимание задерживают на детали — дарственной надписи, где сказано, что Георгий Петрович именовался "Вашим благородием". Это не личная карьера, когда и крестьянский сын мог выслужиться до офицера, но конкретно — семья, отцы-деды-прадеды.

Мы видим, как формируется элита — на базе старой, но с новой и свежей кровью. Георгий Петрович, по сути, благословил Алёшу на сотворение военной династии. Тут нет унижения "простых", но есть хорошо отретированная ненависть к примитивным. Жёсткий протест против боясчества и пацанства — налицо. Помните, где сын Алексея дерётся с уличными жиганями? Один против мини-банды. И побеждает. Советская культура не любила Квакиных — детская классика "Тимур и его команда", созданная Аркадием Гайдаром, сынуно различница и небогатой дворянки, тоже несёт явную печать аристократизма.

Но вернёмся к "Офицерам". Ещё один эффектный маячок — платоническая любовь Ивана Баравы, напоминающая средневеково-куртуазную поэзию, ибо она проявлена как служение рыцаря Прекрасной Даме. В основе была чистота и кристальная репутация, поэтому шевалье выбирал в качестве объекта жену своего сенсора или иную замужнюю аристократку.

То было исключительное чувство — без желания обладать и тем паче — разбивать семью. Многих рыцарей настолько поглощала эта феерия, что они оставались холостыми. Иван Баравва обожал Любу, причём обожание — в прямом смысле этого слова, то есть обожествление предмета любви. La Belle Dame знала, что является "небесной возлюбленной", и также не переходила черту. Отсутствие привычного и возможного в этих случаях "любовного треугольника" делает фильм ещё изысканнее. При всём том, в "Офицерах" нет кармального романтизма и попыток сгладить углы. Смерть называется именно смертью, а кровь не кажется разлитым томатным соком — всё весомо, грубо, зримо, как и принято в русско-дворянском искусстве, называвшемся в ту пору "социалистическим реализмом".

Галина ИВАНКИНА

ВЕЩЬИ ЗОВ

Не пора ли вернуть голос Царь-колоколу?

О НЁМ ЗНАЕТ любой наш соотечественник. Он уже признан в качестве одного из главных символов России. Таким же, как не менее знаменитая Царь-пушка, стоящая на той же Ивановской площади Кремля, в сотне шагов от Царь-колокола. Но почему, по каким причинам такая честь? Казалось бы, никакой логики, никакого смысла в этом нет.

Да, самый большой колокол в мире (более 6 метров высотой и в диаметре, 200 тонн весом), но он же раскололся ещё при отделке в литейной яме, во время Троицкого пожара 1737 года, когда "от колеечной свечки вся Москва сгорела", и только век спустя, в 1836 году, по воле императора Николая I был поднят наверх и установлен на специальном постаменте.

Соответственно, по своему прямому назначению не использовался, к какому-либо важному историческим событиям не причастен, а потому многие, особенно за рубежом, считают его, наряду с той же Царь-пушкой и позднейшей Царь-бомбой (термоядерной, на сто с лишним мегатонн), материальным воплощением "загадочной русской души".

Известная фраза: "Царь-пушка не стреляла, Царь-колокол не звонил, Царь-бомбу не взорвали", — указывает на некую абсурдность русского сознания. Мол, только русские, эти Иваны-дураки, могли потратить столько времени, сил и средств на такие гигантские, но функционально бесполезные вещи.

А самое главное — не только потратить, но восхищаться, гордиться их существованием, придавать им какое-то высшее значение и сотни лет бережно сохранять... Зачем? Спроси — ничего внятного не скажут, потому что сами не знают. Но чувствуется, что так надо, так правильно, так должно быть — и всё.

Если из Царь-пушки, согласно данным современным исследований, всё же стреляли минимум однажды (по легенде — прахом Лжедмитрия), а Царь-бомбу испытывали в "половинном", 58-мегатонном варианте в 1961 году на Новой Земле, то у Царь-колокола даже таких "оправданий" нет. Он — то самое, тютчевское, "Умом Россию не понять..." в чистом виде.

Но не будем забывать, что есть ум, а есть мудрость. И такая мудрость не то, что может, но — пока не пришло её время — просто обязана выпадать глупостью. Главное, что её время, если это и вправду мудрость, обязательно придёт, рано или поздно. Но до того нужно ещё дожить. Обязательно. Даже в самом неблагоприятном, разбитом, казальсь бы, состоянии.

МОЖНО УВИДЕТЬ некую символику в том, что подём Царь-колокола практически совпал по времени с публикацией знаменитого "Философического письма" Чаадаева, в котором тот подверг уничтожающей

критике современное ему состояние России, одновременно высказав надежду на то, что оно же является залогом воистину великого будущего.

Трудно сказать, был ли для "басманного философа" Царь-колокол образом отечественной истории — той самой истории, которую "создаёт не историк, а сила вещей", был ли он для него "вещью", обладающей такой силой. Конечно же, под "силой вещей" Чаадаев подразумевал иное — то же, что и Пушкин в известном отрывке из десятой главы "Евгения Онегина":

*Но Бог помог — стал ропот ниже,
И скоро силою вещей
Мы очутились в Париже,
А русский царь главою царей.*

Тем не менее самим фактом своего вечно: сначала "подземного", а затем и "наземного", — существования Царь-колокол не мог не будить в Петре Яковлевиче некие чувства и мысли. Например, такие: "Мы не Запад... У нас другое начало цивилизации... нам следует... понять, что мы такое... Тогда мы пойдем вперед..."

Не стоит думать, что Царь-колокол, в отличие от Царь-пушки (и Царь-бомбы), — "мирный" предмет. Он тоже — орудие войны и орудие Победы. Только войны и Победы — духовной. И то, что колокола и пушки в нашей истории отливали одни и те же мастера, из одной и той же бронзы на том же Пушкинском дворе, а нередко переливали колокола в пушки, — это ещё не всё.

КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗВОН — такой же символ войны и Победы, как артиллерийский салют. Это символы войн и побед не только прошлых и настоящих, но и будущих. А потому не пришла ли пора — может быть, при помощи современных технологий — воссоздать точную копию Царь-колокола, а также найти (или построить) храм для его размещения, для его наконец-то "наземного" бытия?

А оригинал-пробораз пусть остаётся на его историческом месте в Кремле, у колокольных "Иван Великий", разумеется... Ведь не зря Царь-колокол столько лет существовал и до сих пор продолжает существовать только в своём расколотом виде. Когда имеющие глаза сумеют увидеть, то имеющие уши смогут услышать. Не ради прошлого — ради вечного во всех нас.

Позтому есть надежда, что наша армия, наша церковь и весь наш народ — может быть, не сейчас, может быть, позже — соберутся Русским миром, чтобы вернуть Царь-колоколу его исходно задуманную, но пока утраченную и ещё не восстановленную цельность, его победный голос. "Гром победы, раздавайся!.."

Георгий СУДОВЦЕВ

В ТО ВРЕМЯ как на наших глазах разворачивается жестокая и кровавая борьба с нацизмом на Украине, а руководство нашей страны принимает исторические решения в области экономики, в сфере российской культуры наблюдают скупка и почти кладбищенская тишина. Конечно, может, и не до неё в такой момент, но всё же немного обидно, что система культурных координат не меняется. Она всё та же, что и была до скоропостижного отъезда Аллы Пугачёвой и Максима Галкина в вынужденный "отпуск".

Ельцин-Центр всё так же сильнее магнита притягивает детское и взрослое население Екатеринбурга, остаётся главным местом культурного досуга жителей этого не самого маленького города. Сайт учреждения совершенно открыто призывает Россию как "сильную сторону" прекратить "братобийственный конфликт". Мы всё так же гуляем в Москве по проспекту Сахарова и по улице Солженицына. Зулейха всё так же "открывает глаза" во всех книжных магазинах страны.

А между тем именно сейчас самый подходящий момент для того, чтобы поменять оси координат, сбросить с себя всё отжившее, надоевшее, русофобское внутри самой России. Когда ещё, если не сейчас, власть могла бы совершить маленькую "культурную революцию"? Закрывать раз и навсегда Ельцин-Центр или ещё лучше — переименовать его в Бажов-Центр или Балабанов-Центр. Да мало ли творческих талантливых людей на Урале рождалось, чьим именем его можно назвать? А Борису Ельцину, так

СУЧЬЕ ПЛЕМЯ

Закроем глаза Зулейхе!

уж и быть, поставить памятник, но небольшой и в виде треснутого гранёного стакана где-нибудь в промзоне.

Проспект Академика Сахарова в Москве переименовать, к примеру, в Тургеневский, потому что назван он был явно не в честь учёного-физика, а в честь диссидента, много сил приложившего для развала нашего государства.

Улице Александра Солженицына вернуть прежнее название Большая Коммунистическая, либо ещё лучше — назвать в честь режиссёра, артиста и просто хорошего русского человека Николая Губенко, благо театр на Таганке неподалёку.

УЧЕБНИКИ ИСТОРИИ для 10 класса средней школы пересмотреть: в разделе "Перестройка и новое мышление" слому советской системы в конце 1980-х отведена одна страничка из почти 500-страничного учебника, причём истоки перестройки объяснены автором по-попонуерски прямолинейно: "культурный уровень людей вырос настолько, что они начали осознавать своё бесправие" (А.В. Шубин "Всёобщая история". — М.: Дрофа, 2021). Такие учебники обязаны уйти в прошлое вместе с фоллиантами Суворова-Резуна

о том, что СССР развязал Вторую мировую войну.

Зулейхе необходимо помочь раз и навсегда закрыть глаза во всех книжных магазинах России.

Театру на Малой Бронной хорошо бы срочно найти нормального художественного руководителя вместо мужа Ксении Собчак, ибо театр уже давно выполнил свою "Норму" в прямом и в переносном смысле (если кто не помнит, именно на сцене Театра на Малой Бронной был поставлен спектакль по роману Сорокина, построенный вокруг понятия "норма" — спрессованных фекалий, которые ежедневно были якобы обязаны съедать граждане страны).

Также было бы правильно навсегда лишить россиян "Праздника" — кино-медии дегенерата Алексея Красовского о блокадном Ленинграде и об умершей бабушке, которую родственники хранят в замороженном виде на балконе, чтобы получить лишний паёк.

Но провести "генеральную уборку", убрать с улиц и площадей наших городов позорные, предательские имена — это только начало. Дальше просто необходимо вспомнить всех тех гениев нашей российской культуры, кто все эти последние тридцать лет замалчи-

вался нашими родными массмедиа. Как, впрочем, и Министерством культуры РФ.

Возникает сразу масса вопросов: где в Москве музей величайшего русского композитора Георгия Свиридова? И где ему памятник на улицах столицы? Где улица гениального Василия Шукшина? Он тоже часть жизни прожил в Москве, между прочим. Где улица Гелия Коржева, великопленного художника? Почему улицы имени писателя Василия Белова нет не только в Москве, но и в его родной Вологде? Почему целые поколения растут и взрослеют, не видя вокруг себя настоящей российской культуры, воображая, что театр песни Бабакиной — это и есть вершина народного творчества?

Однажды, около десяти лет назад, мне довелось повести иностранцев на выступление ансамбля "Берёзка". Со мной на концерт в силу необходимости пошёл один молодой коллега, кстати, уроженец городка Бердянска, который сейчас освобождён российскими войсками. Если бы вы только могли видеть его реакцию на народный русский танец — на его лице были написаны неподдельное отвращение и безгливость, доходившие почти до тошноты. Никогда прежде он не видел народных ансамблей и, очевидно, что в двадцать семь лет впервые знакомит его с шедеврами искусства было уже поздно. Именно поэтому хочется, чтобы перемены в нашей стране переросли как можно скорее в культурное возрождение. Как можно скорее, чтобы не опоздать...

Денис СУХОРОКОВ

Кротов Николай, Герашенко Виктор. Жизнь и удивительные приключения банкира Виктора Герашенко. — М.: Наше Завтра, 2022. — 580 с.

Первый печатный вариант этой книги увидел свет ещё в 2009 году, затем она неоднократно переиздавалась. За это время в жизнеописании Виктора Владимировича Герашенко по прозвищу "Геракл", самой яркой фигуры из сферы банковского дела постсоветской России, проявились немало нового. О чём-то стало можно говорить (хотя о многом по-прежнему нельзя, "грузовик наедет"), что-то лично памятное оказалось ещё более рельефным и важным, достойным публичного освещения.

"Геракл" — фигура не только яркая, но и знаковая. Его отец, Владимир Сергеевич Герашенко, 1905 года рождения, из рабочих, "в оппозиции не участвовал, колебаний не было", прошёл путь от безработного времён НЭПа до первого заместителя председателя правления Госбанка СССР (1948–1958). С этого поста был отправлен в академическую "ссылку" со строгим выговором по партийной линии, поскольку не сработался с новым "хрущёвским" руководством и его новациями, шаг за шагом ломавшими сталинскую модель экономики. Впрочем, и с "брежневским" руководством тоже.

Виктор Герашенко оказался более чем достойным сыном своего отца, за 1989–2002 годы четырежды занимал пост руководителя главного банка страны и в памяти народной, несмотря ни на что прочее, остался человеком, который в 1998 году, совместно с Евгением Примаковым и Юрием Маслюковым, после дефолта удержал Россию на краю финансовой пропасти, не дав ей рухнуть туда и разбиться на десятки псевдосуверенных осколков. Не говоря уже про финансирование "северного завоза", провал которого обрёл бы на зимнюю катастрофу наши Арктику и Дальний Восток. Но такого развития событий удалось избежать. Поэтому слова Герашенко о том, что "люди ко мне нормально относятся", — не выдуманы, так оно и есть.

Вообще, "последдефолтный" период с 11 сентября 1998 года по 20 марта 2002 года, когда "Геракл" последний раз руководил Банком России, до сих пор остаётся единственным периодом в постсоветской истории нашего Отечества, когда ЦБ позволял себе не следовать рекомендациям МВФ, а национальная экономика не испытывала "монетарного голода" и росла такими темпами, что практически не замечала "крах доткомов" США 2000–2001 годов. Здесь необходимо отметить, что Виктор Герашенко практически всю брежневскую эпоху проработал в совзагранбанках: Лондон, Бейрут, Сингапур, — и умел не просто находить общий язык, но и быть что называется на короткой ноге с представителями мировых финансовых элит. А под его кредо: "Мы всё переживём. Мы — народ терпеливый", — может подписаться любой из наших сограждан.

Н. КРотов, В. ГЕРАШЕНКО

ЖИЗНЬ И УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

БАНКИРА ВИКТОРА ГЕРАШЕНКО

16+

Делягин Михаил. Жизнь в катастрофе. Победы кризис сам. — М.: Наше Завтра, 2022. — 460 с.

Михаил Геннадьевич Делягин — доктор экономических наук, директор Института проблем глобализации, участник Изборского клуба с момента его основания, ныне депутат Госдумы от политической партии "Справедливая Россия — Патриоты — За правду". Эта его книга посвящена проблематике выживания человека в современном обществе, правила которого меняются быстрее, чем мы способны их запомнить и освоить. Кстати — такой вот парадокс! — настоящее издание, переработанное и дополненное, является уже шестым по счёту, что лишний раз подтверждает актуальность и востребованность изложенных автором мыслей.

Книге предпослано известное изречение малороссийского философа XVIII века Григория Сковороды: "Мир повил меня, но не поймал". Сейчас всё иначе. "Мир рушится и встаёт на дыбы, становится неопределённым, непредсказуемым, разрушительным и смертельно опасным, и наши привычки и убеждения часто перестают быть совместимыми с жизнью (по крайней мере, такой, которую мы считаем нормальной или хотя бы приемлемой для себя)", — пишет Михаил Делягин, отмечая необходимость "планировать и строить жизнь на века, не будучи уверенным в ближайших нескольких часах".

Жить так, словно каждый миг этой жизни может оказаться последним, но как будто жизнь не закончится никогда — не правда ли, очень знакомая максима? Автор лишь применяет её к миру после 2013 года. Мудрость вообще многомерна, внутренне противоречива и подвижна. "В лагерях, тюрьмах и кризисах первыми погибают оптимисты — те, кто ждёт, что беда вот-вот кончится. Выживают — а в итоге побеждают и строят новый мир — пессимисты, принимающие беду как новую реальность, к которой надо приспособиться и в которой надо не выживать, а спокойно и полноценно жить, пока её нельзя будет изменить".

По мнению Михаила Делягина, российский народ, чьё формирование ещё не завершено, гораздо в меньшей мере, чем советский народ, зависит от институтов власти и уже стихийно объединил социальные, патриотические и демократические ценности в единый мировоззренческий монолит, который способен обеспечить нашей стране не только выживание в условиях глобальной системного кризиса, но и успех в современной глобальной конкуренции. Остаётся лишь понять, насколько прав автор в этих своих выводах.

МИХАИЛ ДЕЛЯГИН

ЖИЗНЬ В КАТАСТРОФЕ

ПОБЕДИ КРИЗИС САМ

16+